

Жизнь городка писателей во все времена

Второй слева — Александр Межиров, в центре — Вера Лукницкая. Фото из архива семьи Лукницких

ПИШУЩИЕ МАШИНКИ НЕБЕСНОГО ПЕРЕДЕЛКИНА

В Переделкине я просыпаюсь рано. Особенно весной, когда поют птицы. Светает, и в то же время начинается птичье пение. Его можно сравнить с печатанием на машинке. Жадное сочное чириканье, перестук, резкий звон, сообщающий об окончании строки, лязг перехода на следующую строку...

В воздухе звучит сразу много машинок: звяканье и треньканье сливаются в непрерывную музыку.

Но откуда машинки в наше время? Конечно, из другого времени. Это души писателей с утра пораньше увлечены работой.

За окном всегда, круглогодично, зелено (преобладает хвоя — сосны и ели), но весенний сад узнаваем, едва разлепляешь веки.

Сон словно бы продолжается: жизнь в Переделкине кажется невзаправдашной, как видение, которое вот-вот растает, — невозможно привыкнуть, и обжиться, и осмыслить эти места. Каждый день тут как первый.

Но надо не отставать от птиц, поэтому тоже принимаюсь печатать,

правда, гораздо тише, глухо потрескивая компьютерными клавишами. То и дело отрываю взгляд от монитора, вслушиваюсь чутко и ревниво. И смотрю в зелёное марево, на яркие полосы света, протянутые по стволам. Дверь в комнату распаивается. — Мяу-у! — кричит шестилетняя Китти.

Она сияет весёлым азартом. Следом топает полутороговая Анечка с огромными серьёзными глазами. Завтракаем мы обычно на веранде за высокими двойными окнами с тяжёлыми рамами, всё как встарь.

Однажды ночью за этими окнами гигантскими прыжками над сугробами пронёсся заяц. Я стоял, прижавшись к ледяному стеклу, веря и не веря.

После завтрака можно выйти в маленький дворовый лес, засыпанный иголками. Почва кислая, летом появится немножко голубики и дикой малины, на радость детям. По веткам снуют белки, но хорошо бы смотреть под ноги в ожидании находок: как-то среди травы я наткнулся на подкоч-

ву, тёмную и ржавую. Чья? Казачья, французская? Может, лошадь когда-то пала на этом месте? «Здесь стоял Наполеон», — строка Пастернака, и действительно, пишут, тут хоронили французов. В саду имеется полуразрушенный тайник-схрон, оставшийся от жителя дома, советского украинца Ивана Фотиевича Стаднюка, автора эпопеи «Война», вероятно, для хранения напитков и снэди. Стаднюка на этой даче навещал Молотов, закусывали за теми же самыми двойными стёклами.

Часто мы всем скопом — Китти на самокате, Аня в коляске, которую катит жена Настя, мой сын Ваня, 19-летний студент, — отправляемся в сторону ДТ. Перед ДТ — широкая площадка. Здесь резвятся дети соседей, Киттины подружки: Маруся Отрошенко, Женя Волгина, Маруся и Аня Баки...

Но чаще мы отдельным отрядом уходим по тропе в лес, долго петляем до заветного голого дерева с длинным продольным шрамом и поворачиваем обратно. Это дерево видится мне памятником Переделкину. Старое, но упрямое, чувствуется, что очень живучее. Сколько глаз его наблюдало?

Сколько взглядов оно впитало? Густые благовония мая сообщают лесу особую таинственность. Лес — как огромная библиотека с тёмными корешками.

В переделкинском лесу тот же странный стародавний книжный запах, какой и в переделкинских домах.

По этому лесу в ещё военный год мою маленькую маму вела из внуковского детсада под руку её мама, писательница Валерия Герасимова. Они пришли в первый ДТ — в другом месте, деревянный, где на подоконнике лежали груши, принесённые Фадеевым.

Вечером — гости. Писатель-сосед с седой бородой и сердобольным взглядом и его милая жена. Разжигаю камин, разливаю, читаем вслух наши ещё не опубликованные книги. В этих чтениях есть что-то детское и милое и какое-то подыгрывание тем, кого уже нет. Нитяное проникновение в другие ткани.

Смеркается, и майские птицы распеваются с новой силой так, что слышно во всём доме.

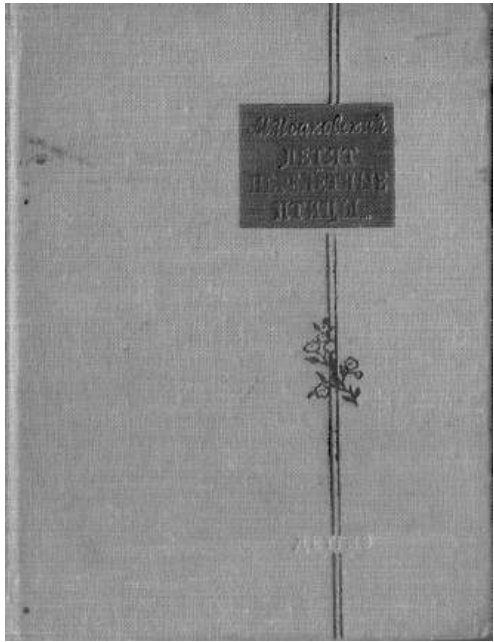
Сергей Шаргунов
(12 мая Сергею исполняется 45 — с чем мы его сердечно поздравляем!)

«...И КАКИЕ ПЕСНИ СЛОЖИЛИ»

80 лет прошло. Удаляется память о тех годах и тех людях, что пережили страшную войну. Блекнут строки. Но каждый год надо вспоминать и повторять имена и главные слова. Сегодня вспоминаем три великих стихотворения о войне, написанных в Переделкине.

К 75-летию Победы впервые в истории Переделкина улицы городка писателей украсили стенды, поимённо посвящённые писателям-фронтовикам. В Великой Отечественной принимали участие многие из его обитателей. И на полях сражений, и с „лейкой“ и с блокнотом» — корреспондентами, которые «первыми врывались в города», освобождённые от врага. Стихотворение, посвящённое отважным военкорам, цитируется не случайно. О том, что поэтическое заклинание «Жди меня» было написано Симоновым в июле 1941 года на даче Кассиля, сегодня широко известно. И сам дом по улице Серафимовича, 7а туристы теперь называют не иначе как «Жди меня».

Но в Переделкине было написано не одно, а три самых, пожалуй, знаменитых и значительных стихотворения о той войне. Ведь рукопись М. Исаковского, озаглавленная «Прасковья», — факт, кетати, малоизвестный — тоже увеенчана топонимом «Переделкино». Негромким голосом Бернеса это стихотворение, написанное, скорее всего, в стенах давно не существующего в городке общежития Литинститута (до начала 50-х находилось на пересечении Гаражного переулка и улицы Лермонтова), ушло в народ строкой «Враги сожгли родную хату». Поэт-фронтовик К. Ваншенкин, которого мы ещё не раз вспомним, писал:

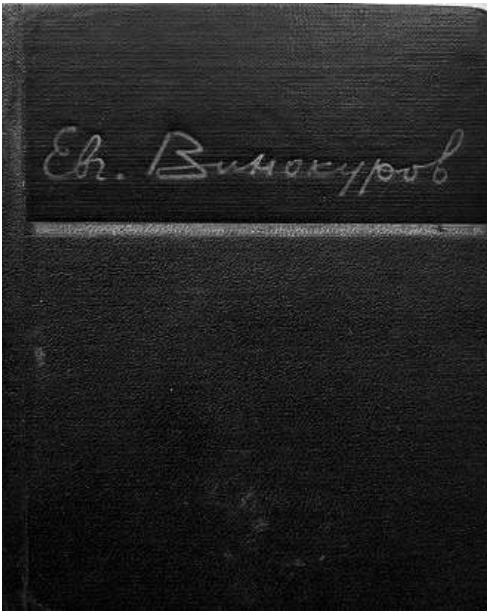
Знаем, что они пережили, знаем, что они заслужили и какие песни сложили, — вместе с ними пели не раз...

Знаем плохо, вспоминаем только в связи с юбилеями. Исаковский и Ваншенкин дач в Переделкине не имели, гостили здесь. Но третья великая военная песня была создана на стихи не просто одного из переделкинцев. Стихотворение, её породившее, было написано там же, где и «Жди меня», на Серафимовича, 7а, возможно, в комнате с красным камином, сооружённым автором сти-

хотворения «Москвичи» Е. Винокуровым. И спел песню снова Марк Бернес! Как и солдатский монолог Исаковского, «Москвичей» тоже знают по строчке, вернее, двум:

Серёжка с Малой Бронной и Витька с Моховой.

Мальчик из Брянска Женья Винокуров в 1943 году, после 9-го класса, ушёл по призыву. В неполных 18 лет командовал артиллерийским взводом. Войну закончил в Силезии. Орден Трудового Красного Знамени, орден Отечественной войны I степени, множество медалей. Кроме награда, заработал туберкулёз, а вследствие усиленного питания туберкулёзника — диабет. Артиллериста Винокурова и десантника Ваншенкина часто путали. В издательстве, когда Винокуров пожаловался на задержку его книги, в ответ он услышал: «Но ведь мы только что выпустили книжку Ваншенкина!» Они были не просто друзьями по поколению, но и птенцами одной золотой плеяды Литинститута, которую часто сравнивали с царскосельскими лицеистами. Так, как они, дружили Пушкин и Дельвиг. Добрая половина тех выпускников стала классиками. Евгений Винокуров много сделал в поэзии и для поэзии. Открыл талант Беллы Ахмадулиной. Вернул в литературу Заболоцкого и Смелякова. Сборник Винокурова «Синева» привлёк внимание Пастернака. Дальше — множество книг, премии. Сегодня помнят Винокурова, кажется, только его студенты и последние

отчаянные знатоки поэзии всех времён. А ведь его сравнивали с Адамовичем, Ходасевичем и Георгием Ивановым.

Почему набирает силу забвение? Слава, неверная подруга, или образ жизни виноват? Винокуров не выступал в «Лужниках», недолюбливал шумных шестидесятников за, по его мнению, поэтическую небрежность, хотя дружил с Евтушенко, который писал о нём стихи, правда, иронические. Носил обыденную серую

кепку. В дерматиновом портфеле таскал морковь и яблоки для похудения. В общем, ничего романтического. Умер в одиночестве, в хлопотах о том, чтобы московская квартира осталась дочери. Дочь была далеко. Жена ушла к другому. Можно представить, как поэт сидит на даче возле красного камина и размышляет о поэзии: «Что такое поэзия? Думаю, что это не что-то одно. Поэзия — это и музыка, к которой прислушивается поэт в себе самом, но это и долг, которому он подчинён; это и живописные зрелища, но и слово, несущее смысл, суть; это и галерея эпических характеров, но и признания; это и внутренний голос, но и внешний ритм». О поэзии Винокуров думал всегда.

А историю песни «Москвичи», похожую на детектив, подробно исследовал и рассказал историк советской эстрады Н. Овсянников. «Москвичи» появились в «Новом мире», главредом которого был Симонов,

в 1955 году. Считается, что стихотворение, до глубины души тронувшее певца, Бернесу показал Ваншенкин. На стихи Ваншенкина Бернес ещё споёт всем известную «Я люблю тебя, жизнь». Растроганность не помешала Бернесу настаивать на оптимистической концовке. Однако Винокуров никогда не написал бы: «Но помнит мир спасённый...» Пафосность такого рода была ему совершенно чужда и не сочеталась ни с кино, идущим в округе, ни с девочками, походящими замуж, ни с бессонными матерями. Поэт не заверил своей подписью дописанный без его ведома текст для получения разрешения на звукозапись. Песня на музыку А. Эшпая с винокуровским куплетом вышла обходным путём в Чехословакии. Но таким образом был снят и внутренний запрет. Вскоре Серёжка с Малой Бронной и Витька с Моховой вошли буквально в каждый дом. Винокуров промолчал... Кто добавил песне оптимизма, до конца не выяснено. Но предположения невольно возникают. Жуковский ведь для пользы дела тоже подправлял Пушкина.

Переделкинские фронтовики мало говорили о войне. Они о ней писали.

Марина Кудимова

ЧТО ПИШУТ

Переделкинские литераторы рассказывают, над чем сейчас ведут работу

Геннадий Киселёв:
переводчик

«В поэтический сборник Франко Арминьо „Малые святости“ („Ад Маргинем Пресс“, пер. с итал. Г. Киселёва) вошло 150 микростихотворений, сжатых до афоризма. Они вторят друг другу одинаковым зачином, ритуальной формулой „свят, свято, святые“. Лирическая поэтика Арминьо построена на прямом высказывании, состоящем из двух частей — вербальной и невербальной. Вербальная, то есть, собственно, текстовая часть, представлена стихами в прозе, отдалённо напоминающими японскую лирическую поэзию — хокку (трёхстишие) и танка (пятистишие), условно перенесённые на европейскую почву (классический переводчик японской лирики Вера Маркова замечает: „Краткость и недоговорённость лежат в самой основе поэтики хокку. Японское трёхстишие обязательно требует от читателя работы воображения“).

Книга Арминьо притягательна не только тем, что в ней сказано, но и тем, чего в ней не сказано и что составляет её невербальную часть. Отсюда можно вывести своеобразную фигуру умолчания, использованную в книге, когда начатая автором мысль как бы приостанавливается в расчёте на то, что дальнейшее подхватит читатель.

Арминьо будто передаёт словами чувства, испытанные им в минуту волнения. Его строку можно уподобить выразительному жесту, адресованному читателю. Расчёт автора даже не на догадку, а на отклик в сознании читающего. Речь Арминьо не обрывается, а делает паузу, оставляя после себя целую книжную страницу для ответного высказывания. К сказанному автором каждый может добавить что-то своё. Например:

О ЧУДЕ ПОЯВЛЕНИЯ НА СВЕТ:

Свято, что сегодня родились ребёнок / и телёнок.

ДЕТСТВЕ:

Святые летние вечера в детстве, / смешение светлячков и слюны.

СТАРОСТИ И СМЕРТИ:

Святые старики — / они живут себе бок о бок со смертью, / но не говорят о ней.

ПРИРОДЕ:

Святая улитка, молчаливая / как монастырь.

Как тут не вспомнить знаменитую японскую улитку из хокку Кобаяси Исса в переводе В. Марковой: Тихо, тихо ползи, / Улитка, по склону Фудзи / Вверх, до самых высот! Свято восходящее солнце / в усталых глазах осла. Свято совершенство / травинки, / шага лошади.

МИРОЗДАНИИ:

Свято знать, что мир держится / на твоей радости, а не на твоих слезах.

Тщательно выписанный автором оригинальный текст многократно пропу-

щен через двойной, письменный и устный, фильтр русского перевода. Так дождевая вода из кирпичных отстойников пропускалаь через песчаную воронку венецианских колодцев. Монологи Арминьо отлиты в форму то афоризма, то мантры, то заклинания, подталкивающих читателя к внутреннему диалогу с ними. Русский перевод тоже стал диалогическим отражением, по возможности зеркальным, оригинального высказывания. Смее надеяться, что и правды, то есть образного смысла, в переводе перед подлинником не убыло.

Чтение этой книги — как обзор духовной вещественности, поскольку духовность выражается и в осязаемых предметах, одушевлённых и неодушевлённых, в телесности, необязательно человеческой, но и животной, в мыслях и чувствах. Особенность такой разлитой духовности в её универсальном характере и объединительной силе. Читая вслух строки Арминьо, испытываешь трепет. А трепет — это по определению резонирующее понятие. По прочтении очередного стихотворения не обязательно заполнять пустоту страницы собственной мыслью: там, куда не доходит слово, страницу доберёт ваша взволнованная реакция.

Да и само умолкание авторской речи после короткой поэтической исповеди тоже форма высказывания. Такое молчание в себе подобно невидимому для глаза фундаменту дома. Многие сущностные вещи часто не поддаются определению и с трудом облачаются в слова. „Я прекрасно знаю, что такое время, — писал святой Августин, — пока кто-нибудь не попросит меня объяснить, что это такое“ („Исповедь“, XI, 14). Нечто подобное можно сказать о любви, смерти, счастье, боли. Вот почему такой поэт, как Джузеппе Унгаретти, наполнял свои книги белым цветом: есть вещи, передаваемые только молчанием. Читаем у другого автора:

„Кити встала за столиком и, проходя мимо, встретилаь глазами с Левиным. Ей всею душой было жалко

его, тем более что она жалела его в несчастии, которого сама была причиною. „Если можно меня простить, то простите, — сказал её взгляд, — я так счастлива“.

Долгое время читатель рассматривался критиками как некий придаток автора; они же признают теперь, что это совсем не так. Пока книга не прочитана, она существует лишь наполовину: именно читатель привносит в неё дополнительное дыхание, позволяет ей взаимодействовать с другими прочтениями и тем самым решает, какой смысл ей придать.

Дантовский Вергилий — один из примеров того, как персонаж больше всего говорит, ничего не говоря. Данте описывает диалог с душами в лимбе первого круга Ада:

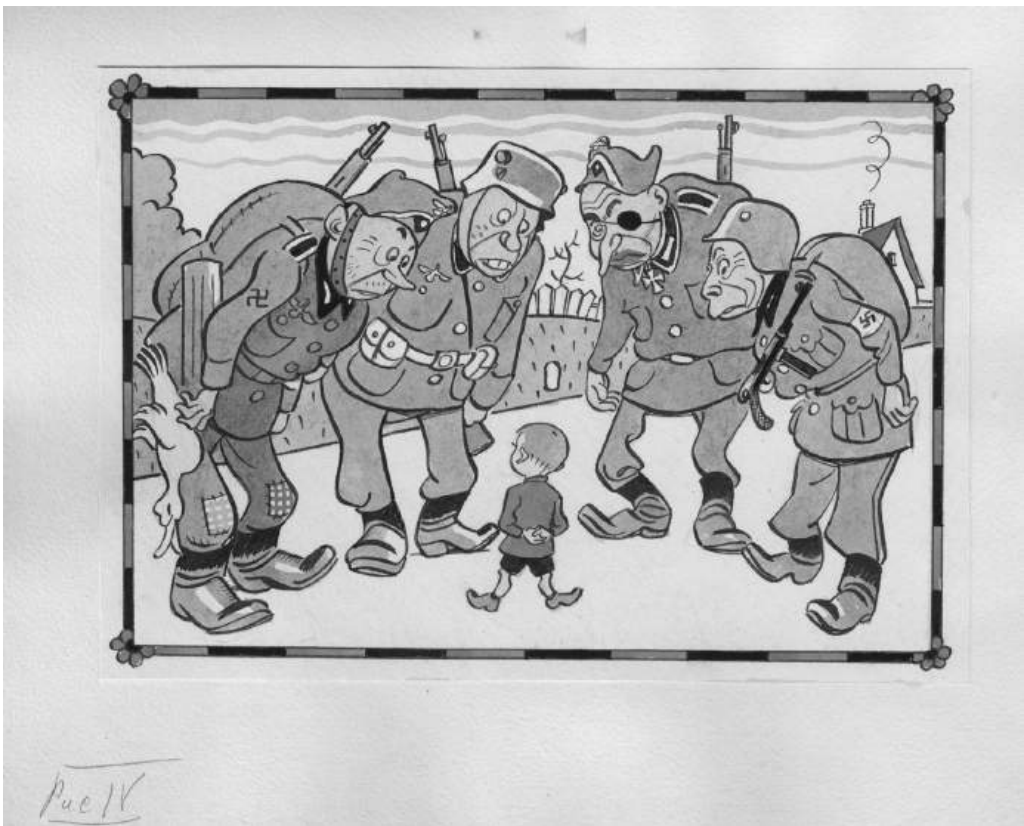
Мы шли к лучам, предавшись разговору, / Который лишний здесь и в этот миг, / Насколько там он к месту был и в пору (пер. М. Лозинского).

Зачем Данте говорит об этом? Возможно, чтобы сказать: считайте, что вам повезло, потому что здесь я мог бы добавить дюжину головоломных доктринальных стихов.

Такая динамика положена в основу одного из известных произведений современного искусства — Secret Paintings („Тайные картины“), серии работ Мела Рамседна (члена группы концептуальных художников „Искусство и язык“), созданной в 1967–1968 годах.

Сами по себе его монохромные картины ничего нового из себя не представляют; их главное очарование заключено в текстовом панно. В сопроводительном тексте сказано: «Содержание этой картины невидимо: характер и размер содержания должны постоянно храниться в тайне, известной только художнику».

Стихи из „Малых святостей“ Ф. Арминьо можно было бы выставлять в виде текстовых панно в тиши музейного или библиотечного пространства».

А Р Х И В

МАЛЬЧИК С ПАЛЬЧИК — ПАРТИЗАН

ПРИ ДТ ПЕРЕДЕЛКИНО НАЧАЛ СВОЮ РАБОТУ АРХИВНЫЙ ОТДЕЛ. В НЁМ УЖЕ СЕЙЧАС СОБРАНО МНОЖЕСТВО УНИКАЛЬНОГО МАТЕРИАЛА, И РЕДАКЦИЯ НАДЕЕТСЯ РЕГУЛЯРНО ДЕЛИТЬСЯ НЕКОТОРЫМИ ИЗ ЭТИХ УНИКАТОВ.

В архиве литературной жизни XX века Дома творчества Переделкино находятся материалы писателя Виктора Моисеевича Важдаяева (1908–1978), долгие годы жившего в Переделкине. В его личном фонде сохранились варианты антифашистской авторской сказки «Мальчик с пальчик — партизан». Известна детская книжка, выпущенная в изда-

тельстве «Малыш» (1966) и оформленная художником Владимиром Гальдяевым (1938–2001). В нашем архиве можно найти те иллюстрации, которые не были использованы при публикациях сказки. Представленные здесь фрагменты графической работы выполнены художником и карикатуристом Юлием Ганфом (1898–1973).

ПОТУСТОРОННИЙ МИР БУЛАТА ОКУДЖАВЫ

9 мая мы отмечаем 101 год со дня рождения Булата Окуджавы. В связи с чем писатель, филолог, автор готовящейся к выходу книги «Спас на Крови: историческая проза Булата Окуджавы», а также резидент Дома творчества Олег Постнов рассказывает о некоторых загадочных свойствах прозы чествуемого автора.

Некоторые люди, когда волнуются, начинают думать вслух. Это как будто и произошло с главным героем в начале первого исторического романа Булата Окуджавы «Бедный Авросимов». Бедный Авросимов, молодой помещик-провинциал, оказался по протекции писцом в Следственном Комитете, где шло дознание в связи с восстанием на Сенатской площади 14 декабря 1825 года. И в тот миг, с которого начинается роман, готовился и действительно произошёл первый допрос Павла Ивановича Пестеля, одного из главных заговорщиков, «злодея», как о нём думал Авросимов. Все волновались, он волновался, и вот... и вот произошло нечто странное — пусть пока странноватое, но нечто такое, что стало прологом к целому потоку всевозможных странностей и фантазмагорий. Авросимов не думал вслух, и тем не менее его мысли услышал как допрашиваемый, так и глава Комитета граф Татищев. Это потом обернулось для Авросимова многими бедами, а для начала — беседой с графом, карета которого догнала его, когда по окончании заседания он спешил домой. Случившийся диалог был уже явно необычайным. На вопросы графа Авросимов что-то мамлил, но мысли его, хоть и неслись в голове, были вполне отчётливы, и Татищев опять их слышал. И продолжал разговор так, будто это и были настоящие реплики перепуганного писца, заподозренного в «симпатии к злодею».

Тем же вечером Авросимов отправился гулять и набрёл на весёлую компанию молодых офицеров и девушек, проводивших время в уютном флигельке. Тут Авросимов узнал, что они участвовали в подавлении восстания декабристов, но лишь по службе. Один из этих офицеров на следующем допросе Пестеля оказался не то дежурным, не то охранником. Как бы то ни было, с ним у Авросимова опять состоялся безмолвный, так сказать, телепатический разговор. Но оба собеседника отлично друг друга слышали, а «сказанное» таким образом принимали как действительно произнесённое. Если к этому прибавить, что Татищев накануне, отпуская Авросимова, дал ему что-то в ладонь, и это оказался маленький живой бесёнок — которого удалось стряхнуть в снег, и тогда «наваждение исчезло» — то тут читатели, пожалуй, согласятся с Окуджавой, называвшим свои романы историческими фантазиями. Но фантазии бывают разные. У Окуджавы, например, они вторгаются в реальный мир по особым законам, причём это действительно реальный мир, документально точный.

Лекция Булата Окуджавы, редакция журнала «Юность», студия «Зелёная лампа», февраль 1979 г. Автор: Максим Земнов. Фото публикуется впервые

Вот Авросимов знакомится с Майбородой, известным иудой, донёшим на Пестеля. Сам Аркадий Иванович полагает этот донос (хоть не очень уверен) подвигом. Ему желается женское общество; Авросимов отводит его в заповедный флигель, но тот попадает не в компанию девушек, а в компанию как раз офицеров. Майборода начинает и им повторять рассказ о своём «геройстве» (Авросимов это уже слышал), офицеры слушают внимательно, сидя кружком возле рассказчика, но прилёгший на диван Авросимов видит, что, кроме

знакомых ему фигур, откуда-то взялись какие-то ещё силуэты или тени. Они появляются из ниоткуда и так же исчезают в никуда — сразу после того, как Майборода получил первую пощёчину от возмущённых молодых людей. И вот тут внимание: фантазия или не фантазия, но Окуджава описывает явление призраков, однако призраков не умерших, а живых ещё людей, всех тех, кем переполнены казематы Петропавловской крепости, т. е. декабристов. Даже пятеро ещё не повешены. А арестанты тем не менее обрели способность являться как тени тем, кто на свободе. И это опять случай крайнего напряжения, момент истины в отношении мерзавца, не погнушавшегося доносом.

Но и это ещё не всё. Авросимов и старший офицер, ротмистр, откомандированы на поиски важных документов. О них говорить не будем, но по дороге к месту назначения путники останавливаются в имении этого офицера, которое Авросимов, впад в почти экстатическое состояние, в точности описал, никогда прежде не выдав. Так начинается тема удвоений: имение как призрак в уме героя и имение повешеное, причём некоторыми важными для сюжета деталями отличающееся от призрака. На обратном пути из-за крупной ссоры, затеянной Авросимовым по случаю подлости, совершённой ротмистром, тот устраивает маскарад. Его люди, переодетые разбойниками, врываются в спальню Авросимова, Авросимов стреляет в одного из них — из пистолета, подаренного, между прочим, Майбородой — и хотя ранит одного из «разбойников», ротмистр доводит до конца розыгрыш, слуги исчезают, а хозяин заявляет, что всё это Авросимову только почудилось. Но есть свидетель, он выводит каналью на чистую воду. И всё вроде бы понятно... кроме пистолета. Выстрел был, но у пистолета свёрнут крючок. И уже в конце романа выясняется, что «знатнейшие специалисты проверяли английский пистолет неоднократно, но проклятая игрушка упрямо отказывалась стрелять». Так вот, тут есть два варианта: либо Авросимов «как всегда» не в себе — его посещают галлюцинации, либо было два пистолета, как до этого два имения.

Читатели, рецензенты, окуджавоведы склонны к первому объяснению. И неудивительно: ведь Авросимов задумал устроить Пестелю побег, и тут к нему толпой повалили непонятные лица, как-то прознавшие про его замысел, — все люди бессмысленные и невятные, какие-то и впрямь выморочные личности, так что под завязку уже чуть не весь Петербург не спит и строит планы спасения Пестеля. Явный бред. И даже автор вроде бы говорит то же самое. Да беда в том, что если с этим согласиться, то главные герои всех других романов-фантазий Окуджавы окажутся такими же безумцами или духовидцами, как бедный Авросимов.

Ну в самом деле, шпик Шипов из «Похождений Шипова», собственно, не шпик, а «специалист по воришкам»: неведомо как он всегда знает, кто что украл и у кого. Видимо, тоже телепат. Но опять этого (Окуджаве) мало. Шипова командируют в компании с неким Амадеем Гиросом шпионить за Львом Толстым в связи с доносом о школах для крестьян, которые граф учредил, а преподаватели там

И ЭТО ОПЯТЬ СЛУЧАЙ КРАЙНЕГО НАПРЯЖЕНИЯ, МОМЕНТ ИСТИНЫ В ОТНОШЕНИИ МЕРЗАВЦА, НЕ ПОГНУШАВШЕГОСЯ ДОНОСОМ

неблагонадёжные студенты. И Ш отделение очень обеспокоено этим. Забавно, но Окуджава снова документально точен. Переписку по поводу Толстого между «силовыми структурами» он не выдумал, как решили рецензенты, а попросту взял из опубликованных после 1905 года документов, касающихся этого фантастического дела. Ну и, конечно, без фантазмагорий не обошлось. Разберём одну, главную, для уяснения особенностей того мира, в который автор погружает во всех романах своих героев.

Шипов и Гирос благополучно добираются из Москвы до Тулы, но вот попасть в Ясную Поляну им не удаётся никак. Она словно заговорена. А когда наконец компаньоны решают во что бы то ни стало прорвать магический круг, оказываются посреди дороги в уже сгустившихся сумерках, с ускакавшим от волков ямщиком и с этими самыми волками, от которых приходится лезть на дерево (каждому на своё). Посреди ночи волки становятся на задние лапы, начинают разговаривать, даже разливают водку и предлагают стопочку Шипову... Опять бред? Окуджава говорил в одном интервью, что волки в «Шипове» так же важны, как бесёнок в «Авросимове». И они точно важны. Утром Шипов и Гирос благополучно слезли с деревьев, вернулись в Тулу, и там произошло ещё много всякой, но слишком весёлой чепухи. В конце концов Гирос куда-то пропал, а Шипов, растратив все казённые деньги, так и не посетив Ясной Поляны, отправился пешком в Москву. И дошёл. Но первое, что он увидел, — похороны Гироса. И не какого-то там безродного шпика, нет, тут Гирос-дубль — «молодой, полный сил,

уже статский советник и действительный — и нате вам». Этот Гирос тоже поехал в Тулу, отправился с ямщиком «в знакомую усадьбу», но по дороге ночью был загрызен до смерти волками. Вот его и хоронят. Шипов заглядывает в гроб — лицо совершенно незнакомое. Но «в смерти чего не бывает». А мы становимся свидетелями удвоения уже не пистолета, а человека. И даже всей ситуации с Тулой, с дорогой в «имение» и с волками, на сей раз достигшими своего.

«Путешествие дилетантов» — самый большой, самый сложный, но и самый читаемый роман Окуджавы, поэтому вспомним лишь несколько сцен для окончательного уяснения логики всех этих телепатий, видений и галлюцинаций. Начнём опять с удвоения, причём удвоен снова шпион. Князь Мятлев впал в немилость к Николаю I. За ним не следят ещё, но есть шпион-любитель, действующий «от себя». Действует он не напрасно: ему удалось отследить тот момент, когда к князю приехал ещё один опальный князь, тут и происходит кульминация — шпион раздваивается. Он следит за восторгами княжеской усадьбы и одновременно висит в дымоходе, подслушивая разговор. А потом в донос объединяет результаты этих наблюдений.

Или вот: Мятлев вроде бы получает письмо из Москвы от своей возлюбленной Лавинии Ладомировской, где она сравнивает себя с собачкой, посаженной на цепь, и шутливо (но не совсем) просит о помощи. Как будто всё ясно: «И тут вершился произвол, старинный друг сидел на цепи». Князь сразу отправился в Москву. Всё, как говорится, в руках автора — от него зависит, как решить эту ситуацию. А решает её он так: вдруг выясняется, что письма Мятлев не получал, оно пришло после того, как он уехал спасать «старинного друга», так что Мятлев просто как-то сам об этом узнал... ему пригрелось... он вообще не от мира сего... и телепат. Вот уж это, безусловно, авторская воля, которую придётся объяснять, хотя все старательно избегают подобных ситуаций.

Вот ещё две: Мятлев и Лавиния покидают тайком Петербург, их путе-

шествие сложное и трагическое, но, помимо прочего, они случайно попадают в имение постаревшего на двадцать лет Авросимова. Авросимов был ещё в первом романе запуган Татищевым, испуган на всю жизнь и «полюбил Большого Брата», т. е. Николая I. Он демонстрирует Мятлеву картину. На ней бывший «наш герой» коленопреклонён, а на голове его почит длань императора. «Краски были плотны и пронзительны, отчего создавалась видимость фантастического правдоподобия и даже слышалась музыка из-за лиловых гор. „Коль славен“ играют-с. Музыканты ещё все молодые... Да и все молодые...», — поясняет Авросимов.

Ну и уже не должно удивлять, что через много лет, в миг смерти князя, Лавиния, давно соединившаяся с ним, так закричала, что следивший за князем жандарм услышал за одиннадцать вёрст. И рассказывает: «Проснулся — крик пропал. Он пропал, но эхо осталось — такая странность». Да, именно: вот такая странность.

На этом останавлиюсь. Ясно, что Окуджава в своих романах создал, кроме обычного, ещё и потусторонний мир, но, вопреки всем традициям, не загробный. И даже неизвестно, есть ли загробный мир, есть ли вообще Бог, есть ли что-то, кроме этого небывалого удвоения. Смысл же его ясен. Он добавочное измерение, делающее мир по-

Окуджава в своих романах создал, кроме обычного, ещё и потусторонний мир, но, вопреки всем традициям, не загробный.

Лекция Булата Окуджавы, редакция журнала «Юность», студия «Зелёная лампа», февраль 1979 г. Автор: Максим Земнов. Фото публикуется впервые

РАССЛЕДОВАНИЕ

Случай на почте

В этот день, как и в любой другой, Дом творчества был погружён в обычные свои дела, то есть творческие. Но тут ход привычных занятий был прерван тревожной новостью: на почте кого-то поймали! А почта, как известно, находится в самом сердце Дома творчества — в историческом корпусе. Редакция, в свою очередь, побросала и свои в меру творческие дела и направилась на почту — узнать, что за ловля средь бела дня.

Обратились мы в первую голову кработнице почты. Не дослушав наши удивлённые вопросы, работница почты укоризненно сказала: «Нечего тут и узнавать. Во-первых, я при исполнении. А во-вторых, расследуйте-ка лучше вы литературные вопросы».

Несомненно, в словах работницы почты был резон. Но нас, исследователей творческих путей и литературных загадок, так просто, конечно, не оставить. И обратились мы на этот раз к администратору ДТ, коя случайно оказалась очевидцем некоторых событий того злополучного, хоть и казавшегося вполне обычным, дня.

«Вот как это было: трое неизвестных провели на диване Дома творчества порядка пяти часов. Время тянулось медленно, трое вздыхали и поглядывали на часы. Ближе к вечеру мимо стойки администратора в сторону почтового отделения прошёл юноша, за ним следом — один из троицы скучающих. Оказалось, что в посылке, за которой пришёл молодой чело-

век, находились краденые драгоценности, а на диване сидели не бездельники, а сотрудники в гражданском в надежде распутать сложные мошеннические схемы, жертвой или соучастником которых и стал невинный с виду человек, частый посетитель почтового отделения».

Да, это свидетельство не даёт полной ясности относительно всей цепочки преступной деятельности и цепочки действий ей обратной. Понятно лишь то, что и нас коснулась загребушая рука мошенничества — и от этого без всяких эквивокв жутко. Засим мы спешим воспользоваться мудрым советом работницы почтового отделения, а вас убедительно просим быть внимательными: мошенники не дремлют!

НЕ СООБЩАЙТЕ НИКОМУ НИКАКИЕ ПИН-КОДЫ!

Фоторобот злоумышленника, составленный со слов очевидца

Можно было бы просто забыть обо всём
И часами глядеть в никудали

Саша Соколов «Между собакой и волком»

Рисунок Бориса Матросова

ЗАГЛОХШИЙ ЭЛИЗЕЙ

Мы продолжаем исследовать дачный феномен в контексте старых творческих союзов и на этот раз пишем о переделкинском соседе — «Московском писателе». Профессор истории и знаток стародачных мест Андрей Карагодин рассказывает о своём опыте проживания в этом посёлке близ Внукова, среди обитателей которого некогда были Любовь Орлова, Зиновия Маркина, Сергей Образцов и многие другие.

Дачно-строительный кооператив «Московский писатель»

Неподалёку от Переделкина, в часе ходьбы через лес, а если на электричке — всего в одной остановке, есть старинный дачный посёлок. В отличие от всем известных «творческих» дачных кооперативов — того же Переделкина или, скажем, РАНИС в Николиной Горе, про него почти никто не знает, туда не водят экскурсий. Хотя на экране его видели многие, а про некоторых «звёздных» жителей слышали почти все.

А если кто и знает — не говорит: не так-то легко объяснить, в чём состояла ушедшая ныне прелесть этого места.

Впервые о посёлке «Московский писатель» во Внукове мне рассказал по секрету в 2001 году Эдик Дорожкин. Денди, циник, злослов и при этом неисправимый романтик, чьё золотое перо яркой кометой мелькнуло по страницам московских газет и журналов в девяностых и нулевых. Эдик (он трагически погиб пару лет назад) был глашатаям «старой» дачи, гордо называл себя «избушечником», бесконечно продавал и покупал у потомков старых большевиков какие-то сотки, кружил по Кратову и Рублёвке, каждый день шгудировал газету «Из рук в руки».

Я тогда начинал роман с одной юной наследницей громкой театральной фамилии и искал дачу на зиму для свиданий. Спросил совета у Эдика, и тот прошептал заговорщически: «Андрей, а ну, так сказать (так Дорожкин пародировал ещё одного нашего знакомца, тоже покойного ныне дуэна московского бомонда Александра Шуру Тимофеевского), ну вы же не из „этих“, не из „новых“, не из „демократов“, вы — из „бывших“, вам — точно во Внуково!» И дал мне телефон риелторши Аллы.

Выслушав мои пожелания — чтобы была старая сталинская дача с каминном, посёлок с историей и заросшим прудом, большая пустая терраса, высокие деревья (ну, всё как там, куда приезжает Маковецкий к Алсу в клипе «Зимний сон»), а также рекомендацию Дорожкина про Внуково, Алла внимательно посмотрела на меня и сказала: «Андрей, сейчас я покажу вам один вариант, а потом мы поедем в другие дачные местности и посмотрим ещё пять-шесть. Но поверьте мне, в итоге вы вернётесь именно сюда».

И мы поехали во Внуково, в посёлок «Московский писатель». И как она сказала, так всё и вышло.

Уже потом, много лет спустя, прожив на этой внуковской даче не один сезон, я узнал, что она была построена тогда же и по тому же проекту, что и дача из клипа с Маковецким. Случилось это после 1934 года. Сталин распорядился выделить лес возле железнодорожной станции Внуково под дачи своим любимым деятелям культуры и искусства. Среди тех, кто получил большие участки — по гектару, были композитор Исаак Дунаевский, поэт Василий Лебедев-Кумач, джазмен Леонид Утёсов, актёр Игорь Ильинский, драматург Зиновия Маркина (это как раз её дачу я снимал у потомков, надо сказать, недёшево) и многие другие творцы, обласканные вождём всех народов. И среди них — главная актриса Советского Союза Любовь Орлова и её муж, кинорежиссёр Григорий Александров. Они только что выпустили фильм «Весёлые ребята» с песнями Дунаевского на стихи Лебедева-Кумача, которые пела вся страна.

Как раз дача Орловой и Александрова (она умерла в 1975-м, он — в 1983-м) и сыграла главную роль в вышедшем в 1999-м клипе Алеу «Зимний сон».

А как мне рассказали, сразу после основания посёлка Маркина и Орлова помелись участками и ещё до войны построили на них одинаковые дачи. Так что я в ту осень 2001-го, сняв дачу Маркиной — бывшую дачу Орловой, попал в свой личный «зимний сон», который продлился почти десять лет.

Я давно не был в тех краях: где был счастлив, туда не возвращаясь. Да и не особо хочется смотреть на то, как вместо элегантных дощатых ворот дачи Любви Орловой — их вы могли видеть и в начале клипа Алсу, и в пронзительном финале позднесоветского детектива «Досье человека в „Мерседесе“» с Баталовым и Адо-майтисом — ныне красуются пошлейшие, с китчевыми рабочим и колхозницей: ужас, ужас, ужас. А сама дача, которая просто обязана была стать музеем Орловой и Александрова и их эпохи, дача, хранившая, как видно в клипе Алсу, до последних дней детали, обстановку, камин, входную дверь с окошком в виде сердца, атмосферу, о которой написаны сотни мемуаров, где бывали Мастроянни и Софи Лорен, — так вот, эта дача безжалостно и цинично снесена новым владельцем.

Вместе с ней закончилось и старое Внуково.

Но тогда, в начале нулевых, были ещё целы и ворота, и сама дача Орловой, и стояли ещё там и тут на улицах посёлка не высоченные, а низенькие заборы из штакетника. За ними виднелись в глубинах больших участков старые деревянные, с мезонинами и непрактичными открытыми террасами дачи лауреатов Сталинских премий, больше похожие на усадьбы серебряного века — ещё не ушедшие под бульдозер, не заменённые бездарными коттеджами новых русских. Ещё живы были многие знаменитые обитатели Внукова — и Василий Лановой, и Александр Абдулов. Через дорогу от моей дачи начиналась аллея среди густого ельника к бывшей усадьбе промышленника Абрикосова, а если пойти в противоположную сторону — тополяная, к усадьбе баронессы фон Мекк. За еловым лесом текла маленькая речка Ликова, через которую был перекинут мостик. Мы называли его мостиком Хаттори Хандзо в честь вышедшей как раз тогда первой серии «Убить Билла» Тарантино: там так же медленно, как в финальной сцене боевика, падал снег (потом и речку, и мостик раскурочат при прокладке новой линии электропередач). За тополиной аллеей фон Мекк был заброшенный теннисный корт. В сельцо в соседнем посёлке Минвнешторга, куда надо было идти через портал с вазонами, которые местные называли «рюмочки», продавались соки в трёхлитровых банках и водка «Столичный доктор беспохмельный».

Но самое главное — в воздухе Внукова было разлито что-то такое, чего я не встречал больше нигде — ни в Николиной Горе, ни в Переделкине (а я, поверьте, пожил и там и там).

Григорий Александров, Эрскин Колдуэлл, Любовь Орлова, Анна Вильямс с фокстерьером и Пётр Вильямс (главный художник Большого театра СССР) на даче Орловой

Что же?

Теперь, много лет спустя, я думаю, что Внуково было каким-то слишком благополучным для русского XX века и потому таким невероятным. Оно как будто утверждало удивительный с общепринятой в интеллигентских кругах точки зрения факт: в России творческий человек — писатель, поэт, художник, учёный, актёр — не обязательно должен быть «больше чем поэтом», гордо показывать фигу в кармане или падать жертвой в борьбе роковой. А может просто, как в какой-нибудь Америке, жить, работать, получать гонорары и правительственные премии, ходить к друзьям в гости. Спокойно встречать старость. Воспитывать детей и внуков.

Так они тут и жили: кукольник Сергей Образцов выпускал в свой маленький прудик настоящих крокодилов, актёр Игорь Ильинский играл в теннис на собственном корте, купивший дачу Утёсова ректор МГУ и президент Академии наук СССР Александр Несмеянов выращивал флоксы, актриса Алиса Коонен принимала в гости Фаину Раневскую, будущий футбольный комментатор Виктор Гусев внимал своему отцу, декану биофака МГУ Михаилу Гусеву, прогуливаясь по улице, названной в честь деда, поэта Виктора Гусева. Грузинская певица Тамара Церетели репетировала цыганские романсы в своём чудном доме с видом на пруд (его, как и дачу Орловой, так же цинично разобрал в конце девяностых новый хозяин, причём обещал сохранить, а когда его спросили, где же дом, отве-

Въезд в посёлок МВТ (скульптурная группа «Рюмочки»)

тил с издёвкой: «Перевезён и хранится в надёжном месте»). Ну а главная звезда Внукова Любовь Орлова неизменно гуляла по улицам посёлка в пургу, утверждая, что это — лучшая из омолаживающих процедур для кожи лица.

Здесь не устраивали концертов «Звуков Му», как у Липницкого в Николиной Горе, не фрондёрствовали, как у Мессерера в Переделкине, а просто счастливо жили, не тужили, катались на велосипедах, а зимой — на санках с горки за «учительским домом». Вы скажете: это — как и комедия «Весёлые ребята», все создатели которой, от Орловой до Утёсова, собственно, и стали первыми внуковскими дачниками (посёлок в шутку называли «нам песня строить и жить помогает») — красивая сказка, утопия, ВДНХ в отдельно взятом внуковском лесу. Пусть так: но утопия простояла больше полувека, и мне ещё посчастливилось застать её тогда, когда она начала, по Баратынскому, превращаться в «заглохший Элизей».

«И обаянием могучим исполнен для души моей»: о, как сладко было ходить в «рюмочки» за тем, что в эти рюмочки наливалось! Кружить с друзьями или подругой по полуночным тёмным аллеям, по-онегински бродить вокруг пруда, напёщивая: «И far niente мой закон!» Отлавливать по улицам Некрасова и Маяковского чёрного пса, доставшегося мне вместе с дачей и постоянно сбегавшего к местным сукам! Приезжать под утро с хмельной ватагой на такси из бара Симачёва или ездить, усадив на заднее сиденье того самого пса, на старом гоночном «ягуаре» ночью на луг смотреть на взлетающие из внуковского аэропорта самолёты!

Помню, летом 2008-го соседний огромный новый дом — участок в гектар был, разумеется, уже поделён и многократно застроен, а вот внутренних заборов не было — сняли какие-то совсем никудышные нувориши на «гелендвагенах», которые никак не могли понять, что за странно счастливая публика собирается рядом в неустроенной старой, 1930-х годов даче и куда всё чаще пропадает их бесправный слуга, молодой таджик Джамшут. А Джамшут в это время сидел с нами на равных у стола и с восторгом слушал, как Эдик Дорожкин декламирует «Последний переулоч» Евтушенко, а писатель и бонвиван Игорь Дудинский рассказывает о том, как в Москве 60-х у памятника Пушкину на Тверской росли яблони и можно было их отрясти, чтобы получить закуску к бутылке, купленной в «Елисеевском».

Слуга оказался и свободней, и аристократичней, и счастливей своих «господ» — и в этом была квинтэссенция духа Внукова.

Джамшута, разобравшись, в чём дело, разгневанные жлобы сразу же выслали восвояси. Дудинский с Эдиком шутят и выпивают теперь где-то наверху, в Элизеуме. А потомки первых внуковских дачников только что издали красивую книгу «В тени больших деревьев», в которой собрали мемуары ныне живущих об их дедах и прадедах, тех, кто счастливо творил во Внукове во времена большой страны и большого стиля. Это очень интересная и очень грустная книжка. Её лейтмотив такой: ушло счастливое время, и Внуково уже не то, и участки измельчали, и люди живут другие, и заборы выросли до небес, и нет былого духа добрососедства...

Впрочем, будем честны: и сами громкие когда-то имена большинства внуковских лауреатов Сталинских премий, писателей и поэтов, академиков и министров — Фёдора Модорова и Аркадия Первенцева, Юрия Милютина и Алексея Суркова — ничего не скажут современному читателю.

Наверно, так и должно было быть. На памятнике английскому денди Бо Браммеллю в лондонском районе Сент-Джеймс написано: «Настоящая элегантность не стремится обращать на себя внимание». Он был невероятно элегантным, дачный посёлок «Московский писатель» во Внукове. Жил негромко, но долго и счастливо, а потом, со сменой эпох, исчез, как мираж, оставив после себя только улицы и их названия. И клип на песню Алсу со словами: «Как жаль, что это всё приснилось мне».

ЧТО ПИШУТ

Переделкинские литераторы рассказывают, над чем сейчас ведут работу

Татьяна Тимакова:

редактор издательства «Новое литературное обозрение», резидент Дома творчества Переделкино

«В марте я приезжала в резиденцию, чтобы готовить к выходу большой энциклопедический труд Сергея Ивановича Чупринина „Журнальный век: Русская литературная периодика. 1917–2024“. Работается в Переделкине замечательно, но объём текста и масштаб исследовательской работы автора не дают редактору скучать и расслабляться. Если в первой части книги рассказывается об истории и судьбе главных двенадцати „толстяков“ — литературных журналов, то во второй, под названием „Вереница“, огромное количество информации, которая имеет свойство меняться и устаревать (главным образом ссылки на интернет-источники, хотя это может показаться странным из-за расхожего мнения, что интернет сохраняется всё): краткие сведения обо всех оказавшихся в поле зрения автора русских „толстых“ и „тонких“ бумажных и сетевых литературных журналах, альманахах, серийных сборниках, газетах. Очень надеюсь, что к исходу весны закончу свою часть работы, передам эстафету остальной команде „Нового литературного обозрения“, и летом мы сможем представить книгу широкому кругу читателей».

Ирина Доронина:

переводчица, редактор журнала «Дружба народов»

«Двадцатое апреля неофициально считается днём рождения жанра детектива: в этот день в 1841 году в одном филладельфийском журнале был напечатан рассказ Эдгара Аллана По „Убийство на улице Морг“. Как и в любом другом литературном жанре, в детективном много мусора, но есть и свои вершины. Над переводом большого сборника рассказов автора, которого безоговорочно относят к таким вершинам, — Дороти Ли Сэйерс — я сейчас работаю. Сэйерс — английская писательница,

филолог, драматург и переводчик, одна из первых женщин, окончивших Оксфорд и получивших учёную степень. Среди её переводческих работ главное место занимает „Божественная комедия“ Данте.

Однако для широкой читательской публики она известна прежде всего детективными романами и рассказами, главным героем большинства из которых является сыщик-любитель, аристократ лорд Питер Уимзи. Вот как отзывалась о нём другая известная писательница Элизабет Джордж: „Меня покорило в нём всё — от вольно-небрежной речи до семейных отношений... Это человек с „реальной“ биографией, а не просто герой, который благополучно не имеет родственников, могущих вторгнуться в авторский сюжет и смешать все карты... Однако что не переставать больше всего удивлять в произведениях Сэйере, так это её стремление исследовать природу человека. Описанные восемьдесят лет назад людские страсти актуальны сегодня так же, как тогда. Мотивы поведения сегодняшнего человека не более сложны, чем были в 1923 году, когда лорд Питер Уимзи впервые вышел на сцену“.

Надеюсь, сборник расказов (некоторые из них будут переведены впервые) Д. Л. Сэйерс на русском языке доставит удовольствие гурманам — любителям классического английского детектива».

Анна Шипилова:

писательница, резидентка Дома творчества Переделкино

«В этом году я планирую дописать второй сборник рассказов. Первый, „Скоро Москва“, я написала на основе воспоминаний о юности в нулевых. А второй сборник будет основан на моих интервью с беженцами с Украины и из приграничных российских регионов. Это будут художественные рассказы с фантастическими допущениями, элементами антиутопии и мистики, объединённые одним временем и местом действия».

НОВОСТЬ

Письма войны

«Жди меня, и я вернусь» — вечные слова любви и веры, навсегда связавшие сердца тех, для кого это стихотворение стало молитвой и оберегом. Оно было написано Константином Симоновым в Переделкине в 1941 году. До сих пор очень много людей приезжает в городок писателей, чтобы увидеть тот самый дом, где было написано стихотворение, прочитать эти строки и вспомнить истории своих родных: тех, кого дождались, и тех, кто не вернулся с фронта Второй мировой.

Вместе с ними Переделкино вспоминает имена своих жителей — участников войны, военных корреспондентов и писателей, создавших главные произведения военного времени. Это целое поколение авторов. Здесь жили: Эдуард Асадов, Виктор Астафьев, Ольга Берггольц, Евгений Винокуров, Вениамин Каверин, Семён Липкин, Константин Симонов, Ярослав Смеляков, Арсений Тарковский, Булат Окуджава. Военными корреспондентами были: Всеволод Иванов, Лев Кассиль, Илья Сельвинский, Георгий Марков, Евгений Петров и многие-многие другие.

В честь 80-летнего юбилея Победы в городке писателя Переделкино на домах участников Великой Отечественной войны и военных корреспондентов появятся почтовые ящики, хранящие главные строки, отрывки из писем и статей — слова Победы. Проект «Письма войны» создаст новый переделкинский маршрут.

ПИСАТЕЛЬ

Писатели — особая человеческая порода. Рисунок Вероники Актановой

В апреле в Доме творчества Переделкино прошли фестиваль и литературная мастерская «Энергия жизни», посвящённые культуре и литературе коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Мы же публикуем главу «Писатель» из автобиографичной книги «Дорожный лексикон», пожалуй, самого звёздного представителя данной литературы Юрия Рытхзу, в которой он среди прочего описывает свой визит в Переделкино.

Писатель — тэкэлинылын, дословно: тот, кто делает книги. Естественно, что когда я поближе познакомился с книгами и начал их читать, особенно так называемую художественную литературу, то через какое-то время, не сразу, у меня возник вопрос: а кто же эти люди, которые пишут книги, создают целый новый мир, такой удивительный, безумно интересный, в который так и хочется погрузиться целиком? Я стал интересоваться личностями самих авторов, искать сведения о них, с некоторым удивлением обнаруживая, что эти люди в какой-то степени были почти обыкновенными существами, но наделёнными особым даром творчества. Первое время я был убеждён, что это была особая человеческая порода, со временем вымершая и оставившая после себя это прекрасное наследство — бесчисленное количество всевозможных книг.

Почему-то некоторым разочарованием для меня было то, что, как оказалось, множество писателей все ещё живы и продолжали писать книги. Среди моих детских и юношеских мечтаний было и желание когда-нибудь увидеть настоящего живого писателя.

И этот случай мне представился довольно скоро — в первый же год моего учения в Ленинградском университете.

В это время вышел роман русско-

го советского писателя Тихона Сёмушкина «Алитет уходит в горы», завоевавший широкую популярность не только у нас, но и во многих странах. Книга была удостоена высшей литературной награды — Сталинской премии.

Я написал автору, не надеясь даже на ответ, но вдруг получил от не-

ПОЧЕМУ-ТО НЕКОТОРЫМ РАЗОЧАРОВАНИЕМ ДЛЯ МЕНЯ БЫЛО ТО, ЧТО, КАК ОКАЗАЛОСЬ, МНОЖЕСТВО ПИСАТЕЛЕЙ ВСЕ ЕЩЁ ЖИВЫ И ПРОДОЛЖАЛИ ПИСАТЬ КНИГИ.

го приглашение приехать к нему в гости, в Москву, в писательский дачный городок Переделкино.

И вот я увидел настоящего живого писателя.

У него был собственный автомобиль «Победа» с шофёром.

После позднего обеда, который подавала домашняя работница, мы с Тихоном Захаровичем отправились прогуляться по писательскому посёлку. Прежде всего мы поздоровались с коротконогим толстяком, оказавшимся партизанским генералом Петром Вершигорой, автором популярной книги о подвигах белорусских партизан. Потом нам попалась художавый длинный мужчина, очень вежливо представившийся мне Борисом Пастернаком, за ним из калитки на дорогу выбрался Ва-

лентин Катаев, автор книги «Белеет парус одинокий», которую я прочитал ещё в яранге. Недалеко от дощатой пивнушки мы встретили краснолицего Александра Фадеева. С каждым из встреченных писателей Тихон Сёмушкин был на дружеской ноге, обменивался шутками, не забывая представлять меня как студента Ленинградского университета, приехавшего «аж с самой Чукотки», которую он описывал в своих книгах.

Такого количества живых писателей, произведения большинства из которых я читал, я не ожидал увидеть даже в самых смелых мечтах.

Конечно, жаль было, что я не имел возможности проникнуть в их, так сказать, творческую лабораторию, понаблюдать со стороны, каким образом они впадают в состояние творческого настроения, своеобразного экстаза, без которого, по моему представлению, не могло быть настоящего созидания литературных шедевров. Мой хозяин Тихон Захарович Сёмушкин, на мой взгляд, не годился для такого наблюдения, да и внешне он был совершенно обыкновенный человек. Да он и не писал! Ни утром, ни вечером, ни ясным днём! Хотя в кабинете у него стоял просторный рабочий стол с роскошным старинным письменным прибором, на нём лежала папка для бумаг, и даже мне украдкой удалось углядеть несколько исписанных страниц. Многочисленные издания и переиздания двух его книг — ранней повести «Чукотка» и романа «Алитет уходит в горы» — давали ему возможность существовать безбедно и даже богато по тем временам: машина, дача, личный шофёр. В свои творческие дела писатель меня не посвящал, зато всечески старался «приобщить» к цивилизации. Несколько раз водил в роскошные Салдуновские бани, многочисленные тогда изысканные по тем временам рестораны. Когда мы ходили к кому-нибудь в гости, сидели за стол, мой хозяин подчёркивал, что я лишь недавно научился пользоваться ножом и вилок. После этих слов всё внимание хозяев устремлялось на меня, и я от смущения терял аппетит, клал рядом с тарелкой столовые приборы, а Сёмушкин восклицал:

— Котлета ему не нравится! А дай ему сырого мяса, вмиг слопает! А то ещё и копальхен. Есть такая еда у чукчей. У него такой запах! За три километра слышно! Я пробовал! Нет слов, чтобы описать вкус и аромат!

Некоторое время спустя я понял, что являюсь в какой-то степени демонстрационным материалом для писателя, и, если я выходил из созданного им образа наивного, чуть глуповатого, всему удивляющегося чукотского парня, Сёмушкин удивлялся и даже сердился.

У меня создалось несколько странное впечатление о писателях. Те, кто жил в Переделкине, в большинстве своём были люди состоятельные, они много и хорошо печатались, были облассканы властью.

Правда, ни одного из них за работой, а тем более в творческих муках я не видел.

Я понимал, что главное происходит за этими дощатыми стенами деревянных домиков, вдали от любопытствующих глаз и чутких ушей.

Я уезжал от Тихона Сёмушкина в смешанном состоянии.

Собственные сочинения я стал создавать на страницах книг для чтения для чукотской школы.

Естественно, на чукотском языке.

ПОТОМ НАМ ПОПАЛСЯ ХУДОЩАВЫЙ ДЛИННЫЙ МУЖЧИНА, ОЧЕНЬ ВЕЖЛИВО ПРЕДСТАВИВШИЙСЯ МНЕ БОРИСОМ ПАСТЕРНАКОМ. ЗА НИМ — ИЗ КАЛИТКИ НА ДОРОГУ ВЫБРАЛСЯ ВАЛЕНТИН КАТАЕВ, АВТОР КНИГИ «БЕЛЕЕТ ПАРУС ОДИНОКИЙ», КОТОРУЮ Я ПРОЧИТАЛ ЕЩЁ В ЯРАНГЕ.

Сначала это были переводы, а потом, осмелившись, я сочинил несколько стихотворений, описывающих времена года, написал несколько коротких рассказов.

Тем временем я продолжал много читать. Литература о нашем народе, даже книги Сёмушкина, вызывали у меня чувство внутреннего протеста. Со страниц сочинений тангитанов луоравэтлан представлялся странным, малознакомым мне человеком, иногда наивным до глупости, изрекающим с умным видом затасканные банальности, которые воспринимались русским писателем как мудрейшие откровения. Этот человек был кристально честным, бескорыстным, никогда не врал и был готов услужить понравившемуся тангитану до такой степени, что мог уступить на ночь ему свою собственную жену.

Он воспринимал идеи советской власти и грядущий коммунизм как вот-вот превращающуюся в явь действительность, где он будет работным, когда захочет и как пожелает, но при этом не будет страдать ни от голода, ни от холода.

И я сделал несколько попыток изобразить своего соплеменника таким, каким он был на самом деле. Но в своих первых рассказах я так и не ушёл далеко от сложившихся штампов советской литературы. Быть может, только в автобиографической повести «Время таяния снегов» мне удалось приблизиться к подлинному образу моего соплеменника и к настоящей жизни моего народа.

Жизнь подарила мне встречи с писателями мирового класса: Грэмом Грином, Валентином Катаевым, Джоном Чивером, Фарли Моуэтом, Александром Твардовским, Уильямом Стайроном, Ярославом Ивашкевичем, Салманом Рушди и многими другими великими сочинителями...

И всё же каждый раз, приступая к новой работе, я мысленно спрашиваю самого себя: а писатель ли я?

Текст публикуется с разрешения Александра Рытхэу

ЯЗЫК-ИЗОЛЯТ

18 марта нивхскому писателю Владимиру Санги исполнилось 90 лет. В этой связи мы поговорили с лингвистом, руководителем лаборатории автоматизированных лексикографических систем Научно-исследовательского вычислительного центра МГУ, доктором филологических наук Павлом Гращенковым о нивхском языке и проекте его сохранения с помощью нейросетевых языковых моделей.

«ПЕРЕРЫВ»: Начну с детского вопроса — зачем вообще сохранять языки? Почему мы не принимаем естественный ход развития языков и территорий и есть ли в этом сохранении вообще какая-то потребность, кроме всем нам понятного желания не потерять то, что есть?

П. Г.: На самом деле есть причина, которая важна для небольшого количества людей, но для них она важна достаточно существенно. Ответами на вопросы, что такое человеческий язык и почему он отличается от коммуникативных систем животных, занимаются теоретическая лингвистика и другая большая наука — типология, и для этих двух дисциплин очень важен каждый язык. Считается, что сейчас на Земле есть 6 000 языков, и вроде бы мы уже всё видели — типолога ничем не удивить. Но всё равно есть риск утратить факт если не какого-то языкового явления, то, например, комбинации явлений. При этом лингвистическая теория, которая пытается понять, что лежит в основе человеческого языка как феномена, создавалась по большей части на материале европейских языков. Это сейчас пытаются исправить, поэтому данные языков, непохожих на европейские, очень важны. Изучение таких языков помогает отвечать на вопросы о языке и человеке.

Ну и, конечно, все языки России — часть нашей культурной идентичности, часть национального богатства страны.

«П»: Язык-изоляция? Что это такое?

П. Г.: В лингвистике есть такое направление, как компаративистика, или сравнительно-историческое языкознание. Оно занимается реконструкцией языкового родства. У компаративистов есть свой набор методов для исследований. И вот этими методами не найдено доказательств родства нивхского языка ни с каким другим. Мы можем также сказать, что, скорее всего, этот язык на какой-то ранней стадии откололся от остальных. Настолько давно, что мы говорим, что он ничей родственник. Он оказался законсервирован как самостоятельная грамматическая система. Некоторые исследователи считают, что нивхский родственен с алтайской группой языков. Да, у них есть общие черты, есть у нивхского что-то схожее с тунгусо-маньчжурскими или тюркскими языками, с японским, но они не родственны.

«П»: Мы с вами будем в основном говорить об одном редком языке — нивхском. На нём говорят несколько десятков человек. Расскажите, где живут нивхи.

П. Г.: Живут на севере острова Сахалин и на материке вдоль Амура. Так как часть населения нивхов материковая, один из мифов, который нивхи поддерживают, утверждает, что Сахалин откололся от материка, и это может косвенно свидетельствовать о том, что нивхи как раз жили на материке. Но были и обратные гипотезы, например о том, что нивхи приплыли чуть ли не из Юго-Восточной Азии и осели на Сахалине, откуда перебрались на материк.

в нивхском все прилагательные стали глаголами — непонятно. Это не было заимствовано из японского, корейского или какого-либо ещё языка.

«П»: Кто изучал нивхов?

П. Г.: Ерухим Абрамович Крейнович, наверное, главный человек, который дал наиболее мощный толчок к исследованию нивхского языка и культуры. Он поехал на Сахалин примерно сто лет назад, когда ему не было и двадцати и когда нивхов ещё официально называли гиляками. Он был воодушевлён тем, что есть интересная неопи-санная прежде культура и язык. Поэтому он всю жизнь изучал нивхов, якугиров, кетов, коряков, ительменов. А в конце жизни написал объёмную монографию в форме полевого дневника «Нивхгу». Он вспоминал свою экспедицию по Сахалину в 20-е и 30-е годы и описывал природу, культуру, язык нивхов.

Письменность у нивхов появилась в рамках советских программ по обеспечению всех народов собственной письменностью и алфавитом. Такие работы проводились по всей стране: на Кавказе и Дальнем Востоке, в Средней Азии и Сибири. Не все народы успели получить собственную письменность — например, айны были уже достаточно малочисленны и, к сожалению, не были охвачены составлением письменности. Над созданием письменности для нивхского языка в разное время работали Е. А. Крейнович, В. Н. Савельева, В. М. Санги. Это позволило задокументировать нивхский фольклор и предания, а также создать прекрасные литературные произведения на нивхском. Самым известным нивхским автором является Владимир Михайлович Санги, но можно вспомнить и большое число других писателей-нивхов.

«П»: Чем вы занимались до нивхов?

П. Г.: Моё профессиональное развитие проеиходило вполне в поле современной лингвистики, которая, с одной стороны, пришла к изучению языков, далеко не похожих на европейские, и к полевым исследованиям. Лингвисты довольно давно уже выезжают в горы, на острова и занимаются вопросами носителей редких языков. А с другой стороны, лингвистика сейчас работает над моделями, которые якобы имитируют языковую способность у человека, хотя, конечно, то, что в больших языковых моделях сейчас есть, — это не совсем то. Но вот есть у нас такие прекрасные инструменты, которые, как люди, могут с нами общаться. Лингвистика к этому шла с 50-х годов XX века.

Есть теория, что такая лингвистика, которая пытается алгоритмизировать язык, возникла с практическими целями в Штатах, когда нужно было переводить большие объёмы технической информации, поступавшей из Советского Союза на русском языке. Появилась необходимость делать автоматический перевод: люди не справлялись с большими объёмами информации.

Лингвисты всегда хотели, чтобы «нажал на кнопку, и оно перевелось». Сейчас это работает, правда, не совсем теми средствами, которыми ожидали

лингвисты. Но вот компьютерным моделированием языка я также занимался, и сейчас мы пришли к тому, что уже имеющиеся компьютерные нейросетевые модели могут помочь нам в задачах сохранения языков. В случае нивхского, однако, здесь ещё предстоит проделать большую работу по сбору данных.

«П»: Как возник именно нивхский язык в поле ваших интересов?

П. Г.: Я всегда занимался прилагательными — писал об этом курсовые и научные работы и краем глаза смотрел на нивхский, в котором прилагательных нет. Значения, которые у европейцев передаются прилагательными, там обозначаются глаголами. К примеру, «зелёное дерево» по-нивхски будет буквально «зеленеющее дерево», а «дорога домой — длинная» на нивхском дословно «дорога домой длиннеет».

Ещё когда я писал диплом про устройство количественных конструкций в русском языке, смотрел на другие языки, в том числе, конечно, на нивхский, в котором, как мы уже говорили, 26 видов этих конструкций. В общем, я интересовался разными аспектами нивхской грамматики, и лет десять назад мне захотелось поехать и попробовать в поле позаниматься нивхским языком. Я написал Екатерине Юрьевне Груздевой, лучшему специалисту по этому языку. И она посоветовала мне поспешить. Но я так плохо спешил, что начал думать в 2014 году, а поехал в 2023 году. Обездрил Сахалин, чтобы понять, насколько можно ещё что-то записать с носителями.

«П»: И что можно сделать?

П. Г.: Собрать тексты. Сколько-то текстов было записано ещё до революции, сколько-то — в советское время. Какие-то тексты попали в грамматику В. З. Панфилова — они собирались в 50-е годы.

Можно и нужно попробовать сделать большой корпус текстов, разменных стандартным для лингвистов способом. С этим корпусом смогли бы работать исследователи, которые изучают нивхский.

А когда текстов будет много, подумалось, можно обучить какие-нибудь нейросети, которые генерировали бы нивхские предложения или переводили с русского на нивхский и обратно. В результате так получилось, что мои студенты оказались умнее и смелее меня и сейчас защищают дипломы как раз о том, как пытаются обучить сети разным задачам, связанным с нивхским языком. Занимаются подготовкой текстов, а когда их наберётся какое-то количество, мы уже попробуем «засунуть» тексты в модели.

Это, возможно, позволит создать нивхских голосовых ассистентов или обучающие программы с нивхским языком. Нет уверенности, что всё получится, но мы будем пробовать.

Интервью: Юлия Вронская

Материал подготовлен в рамках фестиваля «Энергия жизни: Север, Сибирь и Дальний Восток», поддерживающего ООО «Сахалинская Энергия»

Русские в Берлине

Впервые опубли.: «Известия». 1945. № 99 (8709). 27 апреля. С. 5.
Специальный военный корреспондент Вс. Иванов

Среди великого множества удивительных и благородных дней, которые переживает человечество, дни, которые мы сейчас наблюдаем в Берлине, быть может, самые возвышенные и удивительные. Достаточно взглянуть мельком на дороги, прилегающие к столице фашистской Германии, чтобы увидеть необыкновенную и поучительную картину. По обеим сторонам дороги идут нескончаемой лентой два гигантских потока людей: одни — из Берлина, другие — в Берлин.

Из Берлина — пешком, на фурах или тележках, с узелками и чемоданчиками — уходят те, которые под кнутом и кровавой свастикой работали на немцев. Выражение их лиц невыразимо никакими словами. Но пусть каждый, кто хочет знать их состояние, вспомнит самые радостные и счастливые минуты своей жизни, и, возможно, перед ним встанут эти лица. Они идут, оставив позади себя гнет, тоску, голод, унижение. Они идут на восток для счастья и творчества. По другую сторону дороги идут к Берлину немцы. Это те, кто убежал в леса или в ближайшие селения от титанического огня нашей артиллерии или от бомбёжек союзников, или вообще, на всякий случай. Теперь они идут обратно. Лица их бледны, пыль струями бежит по их одежде и тёмными пятнами ложится у глаз, неподвижных, вопросительных, угрюмых.

И посредине этих потоков в грохоте, говоре, песне — на машинах, конях и пешком — идет Красная армия. Запад охвачен алым дрожащим светом.

Горит Берлин. Пахнет гарью. Тени от пушек, танков и людей, густые и тёмные, как дёготь. Вглядываешься в лица бойцов, и видно, что всё дрожит от нетерпения и всё наполнено глухим и ярким чувством к врагу, тем чувством, которое несёт победу.

Откуда-то сбоку на дорогу выходят тяжёлые танки. Они идут с таким грохотом, их так много, что от восторга стучат зубы, и не веришь своим глазам и смотришь на изумруд зелени по краям дороги, и, как ни странно, приближает тебя к реальности большой, толстый плюшевый медвежонок на головном танке, привязанный где-то возле башни. Растопырив пухлые лапки, медвежонок тоже мчится в бой, может быть, для того, чтобы вернуться к детям и сказать, что скоро войне конец.

Автострада, опоясывающая Берлин, пустынна и тиха. Мы пересекаем её. Километра два-три, и перед нами Берлин. На улицах баррикады, наскоро выстроенные из брёвен, промежутки между которыми засыпали землёй. Кое-где надписи по-русски: «Мин нет».

Офицер говорит: — Бой — в трёх километрах.

То, что над улицей проносятся самолёты и где-то рядом ухают зенитки и слышны взрывы, а в соседнем квартале горят три огромных дома и в больших окнах бушует густое оранжевое пламя, офицер-сапёр не считает боем. Не спеша он руководит разборкой баррикады. Сапёры оттаскивают бревна.

Едем широкой улицей. Среди шестиэтажных домов по линии трамвая, посредине улицы — газон и голые

деревца. Мостовая изрыта снарядами. Молодые люди — немцы с белыми повязками на рукаве — подметают улицу, убирают осколки, засыпая пробоины, а более пожилые и с более широкими белыми повязками стоят у дверей своих магазинов. Двери и витрины забиты досками и от разрывов, и чтобы, не дай бог, не пострадало имущество от рук своих же, немцев. Вчера, например, наши кинорежиссёры засняли сцену, когда население квартала разнесло и разграбило продовольственный магазин. И вот седые люди с испуганными лицами стоят возле своих лавочек, стоят неподалёку от боя, — а бой в полукилометре, — стоят и стерегут. Велик бог наживы.

Проехали ещё два-три квартала. Здесь уже и немцы не стоят у своих магазинов, а прячутся в подъездах. Здесь отчётливо не только слышна автоматная стрельба, но и видна. В следующем квартале — шлагбаум через улицу. За шлагбаумом — бой, передний край. В сотне шагов горит подожжённая «фаустом» машина, а на перекрёстке улицы лежит прикрытый шинелью убитый советский воин. Это сержант Васин, командир отделения, пехотинец.

Великие исторические победы свершили Красная армия, весь советский народ в канун Первомайского праздника. Мы долго боролись с врагом, долго напрягал все свои силы советский народ, чтобы именно сейчас притти к полному разгрому врага. Шёл к этому разгрому и сержант Васин, что лежит под шинелью, на камнях берлинской мостовой. Он шёл упорно, воодушевлённо и радостно. Он родом из села Бекетовка Ульяновской области, из той области, где родился наш учитель Ленин. Сержант Васин положил свою благородную жизнь за идеи Ленина — Сталина, за нашу отчизну.

К нам подходит капитан. Где-то здесь, поблизости, в одном из дворов, стоит санитарная машина. Капитан отошёл на минутку поговорить с товарищем да и забыл, в каком дворе. Рука его перевязана. Мы спрашиваем: — Лёгкое ранение? — Осколком навyleт в руку. Три пальца шевелятся, а остальные нет, — говорит он, легко улыбаясь, словно и не чувствуя боли. Видимо, заметив удивление на наших лицах, говорит: — Я привык. Я уже пятый раз ранение получаю.

Он, несомненно, испытывает боль, и, несомненно, ему надо поскорее ехать в лазарет, но ему не хочется покидать Берлин, и, кто знает, может быть, он и не забыл, где находит-

ся санитарная машина. Он говорит охотно, не спеша, отчётливо выговаривая слова, и в словах его нет никакой рисовки. Это — обыкновенный русский человек, капитан А.Н. Глазков из Калужской области. Начал войну солдатом в 1942 году, сержантом оборонял Сталинград. Награждён тремя орденами и медалью. Лицо его, молодое и приятное, кое-где покрыто синими крапинками, обожжено порохом. — Где вас, капитан, обожгло? — В Сталинграде обожгло.

Ныне он командир пулемётной роты. Сегодня вместе со своей ротой форсировал Шпрее. — Там, где станция железной дороги, завод и церковь, — говорит он, показывая рукой туда, где течёт река. — А вы к центру пробираетесь? — К центру. — Ну, Берлина не узнать! — восклицает капитан.

— А вы разве были здесь раньше? — Не был, но, по всем расчётам, здесь, раз центр, — должны быть здания, а вместо них одни развалины. Жители сидят в бункерах, которые раньше построили от бомбёжки. Он раскланивается и, отходя, говорит: — Ненависть привела-таки нас в фашистское логово. Я доволен. Побывал в Берлине.

И он идёт медленно, зорко вглядываясь в дома, в улицу, в небо, видимо, впитывая в себя весь аромат и страсть великого боя за Берлин.

ГАЗЕТА «ПЕРЕРЫВ»

Главный редактор: Денис Крюков

Арт-директор: Юлия Дикевич

Над номером работали:

Вероника Актанова, Наталья Бакшаева,

Дарья Беглова, Юлия Вронская, Екатери-

на Гуляева, Андрей Карагодин, Марина

Кудимова, Борис Матросов, Олег

Постнов, Анастасия Тихомирова, Дмитрий

Цыганов, Сергей Шаргунов

Корректорское бюро «Ёлки-палки»

Отпечатано в АО «Коломенская типография»

Адрес: ДСК «Мичуринец», поселение

Внуковское, ул. Погодина, 4

Дом творчества Переделкино

info@pro-peredelkino.org

+ 7 916 260-94-88

События и новости Дома творчества

«Телеграм»

«ВКонтакте»

YouTube

ЧТО ПИШУТ

Переделкинские литераторы рассказывают,
над чем сейчас ведут работу

Василий Нацентов:

поэт, писатель, резидент

Дома творчества Переделкино

«Сядишься писать и никогда не знаешь, что получится. Если знаешь — можно и не начинать. Такой у меня неправильный подход, поэтический.

Трижды я садился писать большие вещи (главное — величие замысла!),

а получались... Последняя и вовсе поэма в прозе (существенная часть которой, кстати, написана здесь, в резиденции Переделкина, осенью 2023 года). Все они, к счастью, напечатаны в „Знамени“, моём любимом и самом смелом на сегодня журнале. Дай Бог продержаться!

И вот снова — шум переделкинских сосен, под который так легко засыпать

одному (см. стихотворение классика!), потребность говорить, говорить, говорить, потому что сейчас нельзя молчать! Снова — большой, нужный, кажется, такой необходимый текст впереди, который, может быть, станет в конце концов одним только стихотворением... Я не очень суверен, но жена запрещает говорить мне о своих планах. А я привык слушать красивых девушек!»